

АЛЕКСЕЙ ЛИТВИНОВ

ВИНТОВКА

РАССКАЗ

— Вставай, дед! Такой прекрасный майский день, а ты пузыри пускаешь, — прорвался сквозь кухонный смог от раскалённого подсолнечного масла и манящего запаха горячих беляшей звонкий голос хозяйки и разлетелся по просторам двухкомнатной хрущёвки. — Уж внука скоро привезут.

Хозяйка ловко управлялась с двумя чугунными сковородами, переворачивая на них беляши, которые шкворчали и соблазняли аппетитным золотистым цветом. На дальней конфорке уже закипал чайник.

Из ванной комнаты в приоткрытую дверь выглянул супруг с заспанным лицом, в руке он держал поднесённую ко рту зубную щётку, щетину которой покрывал белый мятный порошок:

— Не кричи, Любовь Анатольевна, я давно на ногах. Всех соседей разбудила, наверное.

* * *

Пехотинцы заканчивали построение, только кое-где ещё запоздавшие солдатики проталкивались в строю, занимая свои места, кто-то пристраивался с края, стараясь не создавать суеты, командиры проверяли личный состав, не обращая внимания на нерасторопных бойцов. Тут же на снежной просёлочной дороге тарахтели грузовики-полуторки, водители ковырялись в кабинах, в моторах, постукивали валенками по колёсам, чтобы хоть как-то согреться на морозе. Командир полка принял доклады о готовности подразделений к выпол-

ЛИТВИНОВ Алексей Михайлович родился в Оренбурге в 1974 году. Окончил Оренбургский государственный университет, по специальности юрист. Служит в правоохранительных органах.

нению очередной боевой задачи. Сделав пару шагов вперёд, в рассеянном от света автомобильных фар утреннем зимнем полумраке, перекрикивая работающие двигатели, раскатиисто начал произносить напутствие:

— Товарищи офицеры, сержанты и красноармейцы, наш полк в ходе ожесточённых боев прорвал укреплённую линию обороны врага, углубился в тыл, сея страх и панику среди его солдат. Фашисты понесли большие потери в живой силе и технике. Этот стремительный прорыв стал возможен благодаря мужеству и упорству наших бойцов и офицеров, соединённых с лютой ненавистью к врагу. Мы продолжаем развивать наступление, нанося ощутимые удары нацистской нечисти. — Подполковник Купыш сделал паузу, обвёл взглядом строй. — Двигаясь вперёд, ударная группа полка ночью выбила врага из села Перстнёвка и продолжает вгрызаться в немецкую оборону; задача резервного батальона полка — закрепиться в районе этого населённого пункта, там же разместится штаб полка с подразделениями обеспечения. Сейчас грузимся на машины и, не теряя времени, выдвигаемся на новую позицию. Командирам подразделений уже доведён порядок посадки в грузовики. — Сделав небольшую паузу, он посмотрел на лица бойцов, ещё тяжело различимые в утренней темноте, и добавил: — Там же полевая кухня обеспечит вас горячим питанием.

По строю солдат пробежал одобрительный тихий гул.

* * *

— Ты что там гремишь, Гриша? Ищешь чего? — Любовь Анатольевна, не отрываясь от стряпанья, обратилась к мужу, который уже переоделся из пижамы в костюм и копался в серванте. — Если ищешь записку, то она стоит в холодильнике. Сходишь на праздник, тогда и поставлю на стол.

Хабалов вздохнул, поморщился и закрыл дверцу серванта.

— Досталась же супруга мне — следовательно, — с наигранной обидой, поправляя перед зеркалом галстук и медали с орденами на пиджаке, вздохнул он.

— Ой, да ладно, — парировала хозяйка, — если бы не я, крутил бы сейчас хвосты быкам в своей Серовке.

— Конечно, мисс Марпл, я случайно вышел тогда из вагона за кипятком, и вы меня тут же охомутили.

— Ты подходил по описанию под одного воришку.

— Ты же говорила — злостного рецидивиста?

— Я ошиблась.

— И я тебе за это благодарен, — Григорий поцеловал жену в щёку. Они оба улыбнулись. Милая семейная игра в рамках лёгкой размолвки.

* * *

— Где этот горе-рядовой? — зло рявкнул Купыш.

— Боец Еськин, ко мне! — Кузнецов обернулся к машине. К нему уже бежал несчастный, насколько это возможно быстро в валенках, поправляя сползающую то вперёд, то назад на голове каску.

Где-то впереди слышались командные крики: Марков инструктировал знаменную группу.

Запахавшийся, в своём зимнем комковатом обмундировании, с испуганным видом перед офицерами предстал молодой паренёк, ещё ни разу не бритый, что выдавали редкие, но уже довольно заметные усики на губе.

— Товарищ старший лейтенант, рядовой Еськин по вашему приказанию прибыл! — доложил солдатик и тут же рукой, которой только что отдавал честь, вытер нос, привычно проведя им от рукавицы и до обшлага рукава шинели.

— Обращаться надо к старшему по зва... — Кузнецов осёкся, остановленный жестом комполка.

— Где винтовку потеряли, товарищ боец? — обратился подполковник к Еськину.

— Товарищ полковник, я не знаю, была со мной, куда делась... может, где-то в избе, где ночевал... завалилась... куда-то...

Полковник посмотрел на старшего лейтенанта, тот отрицательно покачал головой. Еськин продолжал ещё что-то бормотать, но командир полка его уже не слушал — время было дорого.

— Старлей, высаживайте своих бойцов. Ищите оружие, даю вам час. Прибудете пешим порядком на позиции, в пути обеспечите боевое прикрытие обозов, они дождутся вас и поедут с вами. По прибытию предоставите мне рапорт о происшествии. Рядовой за халатность будет наказан, а вашу роль во всём этом мы выясним в ходе разбирательства. — Повернувшись к майору Верганцу, добавил: — Перераспределите личный состав в освобождённые машины.

Посадка красноармейцев в автомобили завершилась, проштрафившаяся рота, которая по численности едва ли равнялась взводу, стояла строем. Кузнецов раздавал указания, кому, где искать утерянное оружие, комиссар докладывал Купышу, что знамя в сохранности и впредь будет под его строгим присмотром. А дневной свет растекался по окрестностям, и зимняя дорога уже просматривалась до горизонта.

— Александр Иванович, поезжайте с батальоном в Перстнёвку. Организуйте там с Гольским боевые позиции, размещение штаба и личного состава, наладьте связь с подразделениями полка, а я — в дивизию и к вам.

— Есть! — козырнул начальник штаба, махнул рукой по направлению предстоящего движения. — Пошёл, вперёд! — и запрыгнул в кабину машины.

Грузовики потихоньку вытянулись в двигающуюся змейку по освещённому пути. Вслед им смотрел командир полка: “Вот и весь штаб с резервным батальоном полка уместился в несколько машин. Наступление тоже истощает и в людских ресурсах, и в физических и психологических”. Его уже поджидала покрашенная в белый цвет “эмка”.

Оставленные в посёлке солдаты с завистью и некоторой злостью наблюдали за удаляющимися машинами: они были виноваты только в том, что к ним затесался растеряха, направленный из хозвзвода в роту пару дней назад. Теперь им предстоял марш в двадцать с лишним километров, скорей всего холодный обед или ужин, да хоть что-нибудь! И неизвестно, какое место для ночлега, ведь лучшие уже разберут без них.

* * *

С улицы раздался сигнал автомобиля. Хозяйка поставила сковороду на подставку и выглянула в окно. Во дворе стояло такси, из открытой двери уже выскочил мальчуган лет пяти, увидев её, радостно закричал:

— Бабуля, я приехал! — Следом за ним из машины вышел молодой человек, закинул голову, устремившись взглядом на третий этаж:

— Привет, мам! А где отец?

— Сейчас, сейчас, уже выходит. Может, зайдёшь? У меня беляшики.

— Не, на обратном пути, когда за Серёжкой заеду.

В это время из подъезда вышел дед, внук кинулся ему на шею:

— Деда... — крепко обнял его и прижался к плечу — приятным звоном ударились медали.

— Как дела, Серёнька? А? — и, не отпуская малыша, развернулся к сыну. — Привет, сынок.

— Здравствуй, пап. Ты сегодня прям кавалер при орденах. Поздравляю тебя с праздником!

— Спасибо. И тебя с праздником! А мать поздравил?

— Уже с утра, по телефону. Договорились, что я после пяти заеду за Серёжей.

— Да, хорошо!

— Может, вас подвезти? Мне как раз по пути.

- Нет, спасибо. Мы пешком, на троллейбусе доедем, да, Серёнька?
— Ага, а потом вату купим?
— Купим, купим и газировку из автомата попьём.
— Ура-а-а-а! — малыш был счастлив.

* * *

По закону подлости, винтовка нашлась почти сразу, как грузовики скрылись из виду. Оказалось, когда Еськин ходил ночью в нужник, обойдя сарай с тыла, то для удобства поставил винтовку к стенке покосившегося строения, там она благополучно и соскользнула, упала в сугроб, оставив наверху торчащий край приклада. Облегчившийся Еськин, застегнув портки, и не вспомнил в полудрёме про своё оружие, развернулся и наощупь пошёл назад, в душную хату, досыпать драгоценное время. Неудивительно, что он с утра не мог ни вспомнить, ни понять, куда подевалась винтовка. Помог часовой, который припомнил, что несколько человек выскакивало на улицу “до ветру”, прихватив с собой оружие: всякое может случиться. Обойдя все очевидные места людского уединения, бойцы нашли пропажу, о чём и доложили ротному. Весть о находке придала радости и веселья, ликовали все: и командир, и бойцы. Только один человек не испытывал воодушевления — это был рядовой Еськин. Для роты сейчас он оставался самым ненавидимым человеком, неприязнь людей полыхала со всех сторон. Вокруг него образовалось кольцо из сослуживцев, которые, прекратив поиски, организовали перекур.

— Что, Есик, доволен? Теперь из-за тебя, раззявы, пойдём по морознику, не знай, как, когда ещё доковыляем до постоя, — проговорил долговязый рябой боец с вытянутым лицом и ударил Еськина кулаком в живот. Бедняга подсогнулся; звук, вырвавшийся из него, был смесью резкого выдоха и всхлипа. — Мало тебе, зараза.

— Да что ты его жалеешь, Варламыч? Двинь как следует этому собачьему сыну, — обратился к долговязому подошедший рядовой Рогов. — Вот так, — и он с размаху хлопнул своей большой сибирской ручищей в грудь несчастного. На этот раз Еськин отлетел и упал спиной на снег. Не успел он подняться, как ему кто-то дал пинка под зад, и он снова упал, уже лицом вперёд, успев подставить руки, чтобы не расшибиться об утрамбованный солдатскими валенками твёрдый снег. От такого падения винтовка выскочила у Еськина из рук и проскользнула вперёд.

— Смотри, — весело закричал шепелявый пулемётчик, опирающийся на свой Дегтярёв, — опять, гад, потелял винтовку. Ну, что ты с ним делать будешь? Мало вы его, лебятя, плочили.

— Надо бы ещё ему поддать.

— Да придушить его и кинуть в сугроб. А то с ним, глядишь, до самого Берлина пешком топать будем. Без нас Гитлера прибьют.

Еськин стоял с затравленным видом, весь в снегу, крепко прижав к себе винтовку, вытирая нос то одной рукой, то другой. При этом озирался, словно ища поддержки среди окружающих, и он её получил в лице земляка Рогова, такого же здоровяка, но по возрасту намного старше, ротного старшины Непомнящего.

— А ну оставили мальчика, шельмы! — Непомнящий сурово осмотрел всех, сбивая общее возжелание расправы, пошевелил усами, как будто чесал ими нос. — До Берлина хошь попасть? На колесах доехать туды желашь? А по мне хоть пешком, хоть на собаке, хоть на карачках, да только б живым добраться дотудова, чтоб гнездо их поганое, нелюдское ежечь. Давно ль привык на каретах разъезживать, пехота? А? — Старшина поднял валяющуюся в снегу каску Еськина и подал ему. — Не робей, не робей, браток. Всяк быват. Я вона в финскую ещё не того нагляделси. Там не то что пукалки, танкетки порой найти не могли. Не отходи от меня, а то не ровен час и вправду зашибут.

Бойцы начали расходиться. Подошёл Рогов:

— Савельич, на кой он тебе, малахольный? Меня батя, когда что наша-лю, смертным боем бил. Так и воспитал меня серьёзным. — Рогов как бы извинялся перед Непомнящим, в тоне слышалось желание оправдать свой поступок. Под тяжёлым взглядом земляка он смутился, не зная, какие ещё доводы привести, отчего невольно начал переминаться с ноги на ногу, подтягивая рукавицы, и так хорошо сидевшие на его руках.

— Ванька, сурьёзным стал, а дурь осталась. Подишь, он тебе ровня в силе, нашёл кого ударить, ладно эти лапти колхозные...

— Что здесь происходит? — неожиданно появился ротный в сопровождении нескольких младших лейтенантов. — Строиться! Командирам проверить личный состав.

Солдаты быстро построились, взводные провели проверку.

— Никто винтовку не забыл? Проверьте ещё раз. — Кузнецов шёл вдоль строя, осматривая экипировку солдат, оценивая их готовность к переходу; непонятно было, то ли он шутил, то ли нет, говорил он без сарказма, спокойно, скорее доброжелательно. — Все проверьте своё обмундирование и снаряжение. У всех всё на местах? — Бойцы закивали головами. — Ну, хорошо. Поставлена задача: прибыть в новое место дислокации, оно в километрах двадцати с хвостиком отсюда. На марше необходимо обеспечить боевое охранение хозбоза полка.

Ротный, пройдя весь строй, вышел в центр перед красноармейцами и сильным чётким голосом произнёс:

— Рота! Слушай мою команду. Равняйся! Смирно! На-пра-во! Шагом марш!

Бойцы строем вышли из опустевшего посёлка. За ними тянулись конные повозки.

* * *

— Давай пойдём, внучок, вон туда, — дед указал пальцем в сторону празднично одетых людей, стоящих у гастронома и бурно ведущих разговор.

— А кто там, деда?

— Там друзья мои, однополчане.

— Ты с ними Гитлера бил?

— А с кем же ещё? Конечно, с ними. Пойдём, я тебя познакомлю.

Они шли, держась за руки, медленно, не торопясь, — высокий дед, полневший с годами, и маленький юркий внук, на время успокоенный поеданием сахарной ваты. Вот уже можно было чётко разглядеть и лица сослуживцев. Дед приостановился, ему надо было перевести дыхание, волнение сбило его ритм. Вот они, родные, как изменились, посеребрились, постарели.

* * *

Зимняя дорога, такая естественная и родная, когда знаешь, где и как она должна закончиться. Уложенная снегом, утоптанная обувью и укатанная колёсами, белый ручей людских хождений, с каждым прикосновением к её поверхности она отражается хряпом твёрдого снегового полотна. Рваный звук естественного скрипа, меняющийся в тональности от крепости мороза, то звонче, то глуше, успокаивал и отвлекал. Всякая стезя дарит наслаждение и бодрость духа, но только когда ты знаешь, куда направляешься и сколько тебе ещё идти к пристанищу. Другое дело — шагаешь и шагаешь, а лента пути время от времени то пропадает, то сливается с белыми бескрайними полями. А мороз всё усиливается, или это только кажется, потому что замерзаешь. Проникающий вязкий холод, зябью оживляющий мурашки, стремится обуздать горячее тело, медленно остужая его тепло вместе с волей. Бесконечный путь по шву белой простыни отражается в рассудке отчаяньем и раздражением.

— Товалищ сталшина, — донёся до Непомнящего голос из строя измученных солдат. — Лазлешите облатиться?

— Обращайтесь, рядовой Стёпин.

В строю раздались смешки.

— Вот мы двадцать километлов уже оттопали?

— Пожалуй, да.

— А вот хвостик всё тянется и тянется... Когда плидём-то?

Прежде чем старшина успел ответить, кто-то из бойцов опередил его, утомлённо высказавшись на весь строй:

— Как место появится, откуда хвостик растёт, так, считай, и пришли.

Солдаты разразились смехом.

— А ну цоц мне! Разговорчики в строю! — ругнулся Непомнящий.

— Шире шаг, направляющий! — скомандовал Кузнецов, подавляя желание рассмеяться.

Поднявшись на пригорок, уставшая и озябшая колонна солдат приостановила и без того замедленный ход. Отсюда открывалось пространство, на котором как на ладони лежало поселение — конечный пункт их нелёгкого дневного марша. Но не эта панорама была причиной замешательства бойцов — перед селом на дороге догорали грузовики, где с мертвыми, не успевшими покинуть их солдатами, где пустые, некоторые из них съехавшие с пути, стояли, мордами указывая на лес, видимо, пытались укрыться от неожиданного нападения, а сейчас будто говоря: “Вон туда я хотел добраться, браток, в тот пролесок, чтобы спасти своих пассажиров, да не доехал... Снег здесь придорожный глубоковат оказался для моих колёс. Сел я на все мосты. Кто сразу, в кузове, погиб от пулемётных очередей, кто выскочить успел, да тут же и полёг, не успев даже автомат вскинуть”. Погибшие, как разбросанные куклы, лежали на снегу, висели на бортах грузовиков. Рядом с мёртвыми окоченевшими телами валялись каски, шапки-ушанки, вещевые мешки, винтовки, неспешно присышаемые позёмкой.

Здесь немцы устроили засаду красноармейцам, били с двух сторон: из самого села и с невысокого гребня, расположенного справа от дороги в нескольких десятках метров, шансы выжить оказались ничтожны. После нацисты добились раненых и ушли.

Тут бойцы приняли свой последний бой.

— Братцы, да как же так? — бубнил заунывно на вид худой даже в телогрейке боец. — Как же так-то получилось. Наш же посёлок был, как немец-то здесь оказался?

— Слышь, Филька, кончай ... — выкрикнул кто-то, солдатам самим было не по себе. Смятение чувств охватило людей.

— Часов пять уже лежат солдатики.

— Пять часов, — передразнил другой. — Да как выехали с утра, так через час их и встретили здесь. Ждали здесь нас.

— Так выбили же фрицев отсюда?! — недоумевал Филька.

— Одних выбили, другие пришли. Знаешь, сколько их сейчас тут бродит? К своим отходят, немчура поганая, чтобы в мешок не попасть, — деловито пояснил Варламыч, затыгиваясь самокруткой.

— Погодь, погодь, робяты, — задумчиво заговорил Непомнящий, — это что ж получается? Ты, сынок, — он взял руками за плечи рядом стоящего Еськина, — уберёт нас со своей винтовкой. Не останься мы там, лежали бы мы здесь, возле товарищей наших, такие же холодные...

Все, стоявшие рядом, замерли и обернулись к говорящему. На лицах бойцов читалось недоумение, растерянность и... страх от осознания возможной участи. Непомнящий подтянул к себе Еськина, обнял его, обомлевшего и растерянного.

— Спасибо тебе, сынок, — тихо, но довольно для того, чтобы услышали остальные, с чувством проговорил Непомнящий, — век благодарен буду, внукам о тебе рассказывать буду, велю супруге молиться за тебя...

Бойцы молчали. Но вот один за другим начали подходить к смущённому Еськину, каждый хотел выразить свою благодарность.

— Спасибо, паря!

— Прости меня, Еськин, даже не знаю, как тебя зовут, — пробасил Рогов, лицо его выражало внутренние муки за утреннее издевательство.

Кузнецов, наблюдавший за этим, молчал, его мысли были спутаны; из всего второго эшелона полка остались только его рота, да хозяйственный взвод с подводами, сейчас он испытывал и благодарность к Еськину, и ответственность за своих подчинённых.

— Прекратить проявления благодарности! — не выдержал он. — Если бы мы не задержались, глядишь, большим числом сами бы немцев перебили. Так что нечего тут спасибкать!

Солдаты медленно разошлись. Поймав взгляд Непомнящего на себе, Кузнецов обратился к нему:

— Степан Савельевич, собери мне командиров взводов, и побыстрее!

Старшина ушёл искать взводных. Ротный, посмотрев на Еськина, подошёл к нему:

— По факту утери вами личного оружия будет доложено в особый отдел. Это халатность, и вы понесёте за это ответственность. Пока докладная дойдёт до особистов, рекомендую загладить свою вину в бою с врагами. А пока старшина присмотрит за вами.

— Есть загладить вину! — вдохновенно выпалил Еськин; его лицо сияло, выгнутый по стойке “смирно”, каким-то образом перевоплотившись, это был уже другой боец, не тот утренний бедолага. Старший лейтенант пошёл к собравшимся офицерам. Через минуту ротный уже бойко отдавал команды, одновременно уточняя их размашистыми движениями рук, указывая ориентиры на местности.

— Вы, товарищ младший лейтенант, это место осматриваете... Да, вот от этой машины, да, да... Младшой, вы берите своих бойцов, прочешите вон тот пролесок... Старшина, ваша задача осмотреть всё вдоль дороги... Вы по правой стороне идите, а вы — по левой... Соберите оружие, ищите документы, карты...

Вдалеке на дороге показалась машина командира полка с сопровождением. Комполка смотрел на белое поле, покрытое вдоль пролегающей дороги раскиданными тёмными пятнами убитых, на обугленные полуторки и замерзшие впереди домики. Тянуло дымом, морозный воздух перемешивался с запахом сгоревшей резины.

— Знамя, знамя где? — хрипел в крике комполка.

— Принимаем все меры к поиску, товарищ полковник. Пока никаких результатов, — с неподдельной печалью ответил куда-то в пустоту Кузнецов и добавил: — Сгорело, скорее всего.

— Не могло сгореть! Не из того оно теста! Здесь оно где-то, здесь. — Купыш сжал руками голову. Вариант, что знамя могло попасть к немцам, не принимался в расчёт — это позор и смерть.

Бегая от грузовика к грузовику, Купыш заглядывал внутрь их сгоревших кабин и кузовов. Солдаты шарахались от него, всем казалось, что комполка сошёл с ума; этот опытный офицер, прошедший всё на своём пути, начиная с гражданской войны, сейчас оказался в перевёрнутом мире. Это потрясение оказалось сильнее финских морозов, монгольской жары и её спутницы — жажды, сильнее окружений, в которые приходилось попадать, голодных отступлений по тылам противника к своим, сильнее ложного обвинения в предательстве.

Поиски продолжались.

— Товарищ старшина, а вон, гляньте туда.

Старшина обернулся и подошёл к Еськину.

— Ну, что там?

— Да вот, смотрите, — и он указал на еле заметный, уже занесённый снегом кровавый проволооченный след. Он тянулся от дороги вниз, под обочину и по небольшой ложбинке уходил вправо, где был редкий кустарник.

— Как будто кого тащили. — Непомнящий внимательно разглядывал след. — А может, кто раненый уползал.

Старшина с Еськиным спустились с дороги и прошли по глубокому снегу, куда вёл их красный волокушный след. Там, в редком кустарнике, обнесённом по краю снежным наметом, в полушубке лежал офицер. Стало его заметно только тогда, когда, погружаясь в глубокий снег, красноармейцы подошли поближе: сугроб и кустарник скрывали его.

— Кто это? — робко спросил Еськин.

— Похоже, комсомолец наш — комиссар, — старшина помолчал и добавил в сторону мёртвого замполита: — Как же ты теперь, сынок, со своей то верой предстанешь... Пожить бы тебе ещё, ума набратся.

— О чём вы, товарищ старшина? Вы мне?

— Да так, ворчу по-стариковски.

Марков лежал на боку, уткнувшись головой в снег, очки упали рядом, его правая рука сжимала револьвер. Глаза были полузакрыты. Судя по пятнам крови и простреленным немецкими пулями полушубку и галифе, во время боя он был ранен в живот и обе ноги, каких усилий ему стоило сюда доползти, неизвестно. Здесь он и потерял сознание, навсегда.

Старшина расстегнул полушубок капитана и полез в карманы его гимнастёрки доставать документы.

— Поглянь, что нашёл, — старшина присел. В руках у старого солдата появился кумачовый уголок ткани. — Знамя. Это наше боевое знамя. — Волнение охватило Непомнящего, голос дрогнул. — Комиссар — геройский парень: знамя спасал до последнего. Кто б мог подумать. — Старшина встал, снял свою шапку с опущенными наушами и произнёс: — Вечная тебе память, Леонид Игоревич.

Затолканное впопыхах под гимнастёрку полотнище примёрзло кровью политрука к телу и не хотело отпускать своего спасителя, прижавшись к нему.

— Есть заглядить вину! — тихо повторил Еськин.

* * *

— А вот и Варламыч! — сказал кто-то, и группа ветеранов обернулась. Их пиджаки были украшены орденами и медалями, при каждом движении они отзывались скромным торжественным звоном. Однополчане приветствовали подошедшего сослуживца, а он их. Они обнимались, похлопывая друг друга по плечу. Не скрывая радости долгожданной встречи, целовались и плакали, шутили и смеялись.

— Это ты с кем, Григорий Варламович?

— Как с кем, с внуком.

— Как зовут вас, молодой человек? — протянул руку ребёнку самый, пожалуй, пожилой из всех. Серёжка тоже протянул свою ручонку.

— Сергей Николаевич, — с деловым видом ответил мальчуган, одновременно объедая большой комок сахарной ваты на длинной палочке.

— Ну, вот деловой, посмотри, не то что дед, — подмигнул пожилой ветеран, окружающие заулыбались, засмеялись.

— А что дед? — приосанился Григорий Варламович. Он повернулся к большой витрине магазина, поправил роговые очки, которые придавали некоторую строгость его рябому округлившемуся лицу, затем галстук.

Лёгкий ветер колыхал красные знамена, мерно покачивались транспаранты и плакаты с портретами генералов-победителей, лидерами партии. Площадь наполнялась ветеранами-орденоносцами, статными военными в парадной форме. Между ними в красных пилотках и галстуках сновали пионеры, то и дело салютуя героям войны. По округе раскатывались песни военных лет.

— Да, мы после того нападения старались держаться вместе.

— Помнишь, Филипп Савкин после ранения из госпиталя попал в другой полк и оттуда опять в госпиталь, так по мелочам три раза попадал, пока не сбежал обратно в наш Краснознамённый, после чего ни одной царапины не было.

— Напомни, это который Савкин?

— Да как какой, Филька наш! Забыл, что ли?

— А-а, вот кто! Боевой парень, разведчик, но сентиментальный.

— Да, ранимый был, за всех у него душа болела, а немца люто ненавидел, крошил фашистов — только дай.

— А ты, Савельич, где земляка своего забыл?

— Рогова?

— Его самого.

— Да должен подойти, документы какие-то передать ему надо. Он же у нас теперь председатель колхоза, вот заодно должностные вопросы решает.

— А где комбат наш?

— Он сейчас где-то в Забайкалье живёт, работает в школе военруком. Привет огромный передаёт, просил извинить — не приедет, здоровье подкачало.

— Ребят, а ведь и вправду из тех, кто тогда в деревеньку дошёл пешком, все вернулись, не считая ранений, и полк наш орденосным под конец войны стал. А Коля Еськин, где сам-то? Слышал, что он в Куйбышеве обосновался, на заводе токарем работает. Так ни разу и не приезжал на наши встречи.

— Жив и здоров Колька, написал, обещался на следующий год уж приехать к празднику. Хвалился, телефон ему должны летом установить в квартире. Теперь и писать, и звонить будет. Просил и его не забывать.

На площади заиграл гимн Советского Союза, однополчане перестали разговаривать, развернулись в сторону трибуны и выпрямились. Начинался праздник Дня Победы!